

ЗАЧЕМ УЧИТЬ МАТЕМАТИКУ

-Ну, Тихонов, — сказала Ирина Александровна, — вы готовы?

О, Ирина Александровна, похожая на гигантскую статую Будды, неизменная, непоколебимая, грозная судья! Она не пожалеет, не улыбнется, не махнет рукой. Взгляд ее сереет сталью, прическа словно у самурая, огромные груди — как пушечные ядра. Брошь в виде саламандры на ее шарфе — таинственный знак чего-то, никто знает чего, но явно недоброго! Ирина Александровна — неприступная гора, к ней не подойти вплотную и не взобраться — лавины и оползни сметут тебя и раздробят кости.

Тихонов сидел, склонив голову немного набок и глядя в свою тетрадь, а на самом деле — сквозь пространство. Он не понимал, почему не подготовил домашнее задание. Он не сделал его в прошлый раз, не сделал и в позапрошлый, и вот сегодня опять нет.

Каждый раз в начале урока Ирина Александровна задавала вопрос:

— Ну, Тихонов, покажете тетрадь? — и иногда добавляла ледяным тоном, поясняя окружающим: — На «вы» я обращаюсь только к тем, кто не заслужил моего уважения!

Сколько уже он давал себе клятв в том, что этого больше не повторится и он начнет делать домашнее задание! Но наступал день накануне математики, и с самого утра портилось настроение. Призрак домашнего задания навязчиво реял перед ним, высасывая жизненные силы, словно вампир. Так продолжалось часами, и он ужасно выматывался, даже ни к чему не приступив.

В конце концов он садился за стол и открывал тетрадь и учебник. В глубоком отчаянии он смотрел в него, как в смертный приговор. И через минуту закрывал. Решение было найдено:

— Сделаю уроки завтра утром перед математикой!

И с легким сердцем он шел заниматься своими обычными делами.

А когда наступал следующий день, он вскакивал за пятнадцать минут до начала уроков и, стараясь не думать о математике, мчался в школу. Какое к черту домашнее задание, он даже причесться не успевал.

И вот снова:

— Ну, Тихонов, я жду. Весь класс вас ждет!

А ведь он всякий раз надеялся, что она не спросит. Для этого он принимал вид серьезного ученика, ставил учебник на подставку и тетрадь раскрывал так, как будто в ней есть домашнее задание. Может быть, это и сдавало его, возможно, он переигрывал, и математичка просекала правду? А может, она просто пошла на принцип? Кто кого — она его или он ее?

— Я не готов, — тихо ответил Тихонов хрипловатым голосом. Это были его первые слова с тех пор, как он проснулся, и связи подвели.

Минуту в мертвой тишине Ирина Александровна пристально смотрела на него. У нее было такое насмешливое выражение лица, как будто она хотела сказать: «Ну и говно же ты, Тихонов!»

Но вместо этого она произнесла:

— Смотри! — и, развернув грузное тело, указала пальцем вверх, туда, где над доской было большими буквами приклеено изречение Михайло Ломоносова. — Что там написано?

— Боже, опять, — невольно вырвалось у Тихонова, и он поморщился. Он шепнул едва слышно, но в такой тишине этого было достаточно.

— Что ты сказал? Что?!

— Ничего, Ирина Александровна...

— Тогда читай!

Тихонов прокашлялся и прочитал:

— А математику затем учить нужно, что она ум в порядок приводит... Мэвэ Ломоносов.

— Ты понял, Тихонов?! Ум! — Она повысила голос и указала пальцем на его голову, туда, где должен быть ум, которого нет. — Ум!

Так она это слово произносила, с таким выражением и напором, что Тихонову стало неловко, как будто она говорит совсем другое, неприличное слово.

— Что ты там бормочешь, Тихонов?

— Ничего, Ирина Александровна... Ум...

Ирина Александровна всплеснула руками.

— Тебе не стыдно, Тихонов? Столько времени от урока ты у нас отнял!

Он неопределенно покачал головой и уставился в парту. Она добила своего, ему действительно

стало стыдно, и он покраснел. Но стыдно не перед ней, а перед одноклассниками — из-за того, что его публично унижают, а он не может постоять за себя.

Еще полминуты она молча смотрела на него. Потом надела очки, вписала в журнал очередную двойку, и урок начался.

— Тихонов, молодец, — прошептал сзади Стаханов, больно ткнув его кулаком под лопатку. — Третий урок прошла.

КАТЯ

На математике Тихонов сидел с Катей Гришиной. Не по собственной воле — сам бы он ни за что не сел с девчонкой. Их рассказывала Ирина Александровна, раз и навсегда. На самом деле он был благодарен ей за это. Знала бы математичка, какой промах допустила, потому что рядом с Катей Тихонов ни о чем думать не мог, и ум его, о котором так тревожился Ломоносов, находился в полном беспорядке.

О, эти карие глаза, которые почти никогда не смотрели на него! Чуть потрескавшиеся пухлые губы, румянец на смуглом лице, короткая вьющаяся прическа. Помятая юбочка и загорелые коленки — мощнейшие магниты, подчиняющие все его внимание на уроке. Руки грубоватые, ну и хрен с ними — Тихонов помнил, что у Констанции, девушки Д'Артаньяна, вроде тоже были такие. Ему это даже нравилось.

Подперев правой рукой голову, он, делая вид, что смотрит в учебник и в тетрадь, на самом деле до боли в глазах косился налево, туда, где сидела она. Это было мучительно. Как он мечтал прикоснуться к ее коленке! Прямо на уроке взять и положить свою руку на коричневую округлость. Но он боялся.

— Тихонов, ты дурак? — спросила бы она так, чтобы все услышали.

Или еще хуже:

— Убери руку!

Тут он и умер бы от позора.

А вот Стаханов на задней парте ничего не боялся. Он смело, с наглым и уверенным лицом тискал Наташу Громову — делаю что хочу. Развалившись, с жвачкой во рту, даже на математике, не робея перед грозной Ириной Александровной.

— Тихонов, глаза не сломаешь? — Это был голос учительницы.

Он побагровел. Поймали!

— Ты в свою тетрадь смотри, а не в Катину, — добавила Ирина Александровна. — Учись сам думать!

Тихонов испытал облегчение — славу богу, она не поняла. Гришина, не глядя на него, подвинула ему свою тетрадь.

ВЕСНА

За окнами весна. Снег еще не совсем сошел, деревья не позеленели, и трава не вылезла, но в солнечном свете, в цвете неба уже угадывается обещание новой жизни. И в воздухе тоже. Хотя в нем и нет пока характерных весенних ароматов (он, кажется, пахнет горькой прелой прошлогодней листвой), от него все равно кружится голова и замирает сердце. Это запах надежды, запах любви, запах начала.

Там, за окном, бегут ручьи, волоча старую осеннюю труху по асфальту. Там прохожие чихают от солнца и добродушно матерятся, там бабушки выползли из подъездов погреться на солнышке, там ветви набухают почками. Там весна!

А здесь химия. Маленькая худая химичка с редкими волосами не любит Тихонова и считает его самым тупым учеником на свете. Да, с химией он не дружит! Хорошо, что химия — последний урок на сегодня.

— Леха, — шепчет ему друг Денисов, — пойдем после урока в парк в банки играть.

— Конечно, — отвечает Тихонов, отрываясь от окна.

До конца урока пять минут. Но удивительное дело, минуты еле ползут. Обычные, нормальные — уличные — минуты идут намного быстрее. Каждая уличная минута равна примерно пяти школьным.

— Тихонов! Останься после урока, — неожиданно приказала химичка.

Поднялась волна еле слышного шепота и разбилась у ног учительницы — так только школьники умеют управлять звуком, чтобы не слышали те, кому не надо.

Пошляк Рыбенко просипел:

— Повезло, зарабатываешь на пятерку в четверти!

— Стаханов ревновать будет! — хихикнул Кислов.

Это он зря сказал, химичка действительно любила Стаханова, несмотря на его полную неспособность к учебе. Почему — не ясно, но однажды Тихонов слышал, как она прямо при нем, как будто он не человек, а стул какой-нибудь, с физичкой обсуждала Стаханова. «Миша хоть и маленький еще, но уже настоящий мужчина. Прямо угадывается в нем это». «Да-да, — ответила физичка, — мужичок такой».

Услышав Кислова, Стаханов ответил:

— Кислый, после перемены поговорим!

Кислов резко погрузнел. Все знали, что бить его Стаханов не будет, но утомительное и унижающее выяснение отношений предстоит.

— Да ладно, Стэхан, ты чо... — пробормотал Кислов.

Раздался звонок. Это радостная дребезжащая трель, это инь и ян, черное и белое, небо и земля — потому что один и тот же звон означает и начало урока, и его конец. Он повергает в горе, и он дарует счастье — детское безудержное счастье, когда все, забыв о приличиях и вообще обо всем забыв, вскакивают в первобытном экстазе и с воплями мчатся прочь. Обычно громче всех кричал Тихонов, но — не сегодня. Химичка менялась в лице, видя эту радость. Несложно было догадаться, что чем тягостнее, чем утомительнее урок, тем больше шума при его окончании. Это были как бы антиаплодисменты, показывающие учителю, чего он стоит.

«Все-таки странно, — подумал Тихонов, — что звонок всегда одинаковый. Надо бы на начало урока ставить что-то нудное, тоскливое. Например, из оперы какой-нибудь, типа "Борис Годунов". А на конец, наоборот, праздничное и многообещающее».

Проходя мимо, к его уху наклонился Рыбенко: — Я надеюсь, у тебя гондоны есть?

Меньше чем за минуту класс опустел. Последними, как обычно бывает, уходили отличницы, и они же были единственными, кто сказал: «До свидания, Татьяна Юрьевна!»

Вид у нее стал усталый и от этого как будто более человечный. «До свидания, девочки», — ответила она совершенно нормально, не как сука, а как обычная женщина. Это немного удивило Тихонова — ему хотелось считать, что люди всегда одинаковы, если уж гад, то всегда гад.

Она подошла к нему, прислонилась бедром к парте напротив и скрестила руки на плоской груди. В глазах у нее появилась недобрая усмешка.

— Ну, Тихонов, скажи мне, что дальше?

Начало было непонятное, он растерялся.

— В смысле, Татьяна Юрьевна?

— В прямом, Алексей. Учишься ты плохо, по всем предметам тройки, и то из жалости их ставят. Ты ведь в университет не поступишь потом. Родителей позоришь!

— Посмотрим, — нагло ответил Тихонов. — Вы-то, я вижу, тоже не профессор.

Она побледнела. Помолчала, перебарывая его хамство, и сказала, с трудом сдерживая злость:

— Хотя ты и читаешь по ночам Платона, это тебе не поможет!

— Я свободен, Татьяна Юрьевна?

— Да, можешь идти.

Шагая по пустынному коридору, он думал о ее словах. С чего она взяла про Платона? Да, он любил почитать, но не до такой же степени! Хорошо, хоть не Библию вспомнила...

Так он и не понял, чего она хотела.

СУКА

Школа после уроков как будто вымерла. Тихонову представилось, что так тихо и пусто должно быть после катастрофы, в ходе которой все население Земли погибло. И вот он, возможно, единственный выживший, идет по некогда шумной школе и с волнением думает, что тут раньше были люди. Здесь все полно их бывшего присутствия, здесь каждая деталь напоминает о человеческом участии. А теперь повсюду неизменный покой, дверь не скрипнет и шаг не раздастся. В такой перспективе ему становится жаль людей, даже Татьяну Юрьевну и Ирину Александровну. С замиранием сердца он нежно касается стены, помня о том, что к ней прилонялась Катя Гришина перед смертью.

— Тихонов, ты что стены гладишь? — Это была завуч, Маргарита Петровна. — Зайди к директору.

— Зачем? — испугался он.

Неужели химичка успела настучать? Но как, когда?

— Да ничего страшного, так, формальности какие-то. Заявление про экзамены.

Дойдя до кабинета директора, он постучал в дверь.

— Можно?

— Тихонов, погоди.

Он уселся на подоконнике напротив, у окна с видом на школьный двор. Там стояли верный

Денисов и еще несколько его одноклассников, в том числе Гришина. Ждали его. Они смеялись, толкались, поглядывали на дверь. И весна тоже ждала его, манила наружу, звала бежать отсюда прочь.

В задумчивости он и не заметил, что старательно чертит на оконном откосе ключом. Бывает так: увлечешься чем-то и сам не замечаешь, что делаешь. «Сука» — вот что появилось под его рукой. Большими и глубокими буквами. Он удивился, потому что ничего такого писать не собирался. Кого он имел в виду, он и сам не знал. Слишком многие

в этой школе могли претендовать на это звание. «Бессознательное», — расстроено подумал он.

— Алексей, вы что здесь делаете?

Это была новая учительница истории, Юлия Федоровна. Она только недавно окончила аспирантуру и сразу пришла работать к ним. Совсем юная, красивая, такая необыкновенная по сравнению с другими учителями. Школа еще не успела ее испортить, и она по институтской привычке общалась с учениками вежливо, как, наверное, профессор со студентами.

— Юлия Федоровна, я так, жду директора, — ответил он, быстро спрятав руку с ключом.

— Он там с кем-то?

— Ну, просил меня не входить.

— Вы не против, я вперед вас зайду? Спросить надо.

— Конечно, конечно, Юлия Федоровна!

Она, признательно улыбнувшись, зашла в кабинет.

Тихонов прыгнул с подоконника, бесшумно изобразил вопль отчаяния и стал бить себя по голове ладонями.

— Дебил, дебил, дебил!

Что, если «суку» обнаружат? Она же видела его на этом подоконнике! На всю школу позор, родителей вызовут...

Подумав минуту, он решил, что в данной ситуации лучше сбежать, вдруг про него забыли. Стараясь не шуметь, он легко, как бумажный самолетик, слетел по извилистой лестнице, пронесся по холлу первого этажа и выбежал на улицу.

Денисова с одноклассниками уже не было.

СТИХИ

Когда Тихонову надоедало рисовать комиксы, он сочинял стихи. Вот и сегодня, скучая на литературе, он решил посочинять что-нибудь романтическое. Лучше всего для этих занятий подходил урок обществознания — там он сидел за одной из задних парт, и учительнице дела не было до того, чем он занимается. Но и на других предметах он тоже ухитрялся заняться творчеством. Кроме математики — от Ирины Александровны скрыть ничего нельзя было.

На русском и литературе он сидел за первой партой. Не по собственной воле, конечно, так распорядилась Надежда Павловна, потому что считала его умным и талантливым (она даже иногда зачитывала его сочинения классу) и не хотела, чтобы он занимался всякой чепухой. Но будучи от природы женщиной мягкой и доброй, она вместе

с ним посадила и Денисова. Что было, конечно, педагогической ошибкой.

Надежда Павловна любила на уроке литературы читать вслух произведения классиков. Она прислонялась бедрами к парте Тихонова, так что торец впивался в пухлые выпуклости, и начинала с таинственной улыбкой декламировать, временами многозначительно поглядывая в класс. За чтением она забывала обо всем, кроме книги, и так погружалась в нее, что глаза ее застилала пелена, взгляд становился томным и мечтательным. Длинные кудри вздрагивали, грудь вздымалась, как на волнах, и изо рта вылетали слюни: с таким выражением она читала, так расставляла ударения, словно взрывая слова губами, что мелкий дождь то и дело орошал Тихонова, и он сидел, низко склонив голову, чтобы хоть лицо спрятать.

Но был и плюс: Надежда Павловна в эти мгновения совершенно не замечала, что происходит прямо перед ней, и можно было смело заниматься чем угодно. И Тихонов занялся сочинением поэмы, которую он собирался анонимно отправить Кате Гришиной.

Катя, моя принцесса,
Сохну я по тебе.
Урока черная месса
Держит меня во гробé.
Ты позади за партией,
Слушаешь эту хрень.
Но скоро 8 марта —
Похищу тебя в этот день.
Тебя увезу я далеко,
Раздену и привяжу.
Нам будет любовь уроком —
Я всю тебя оближу.

— Ну, Дэн, — шепотом спросил он Денисова. — Как?

Денисов внимательно прочитал и ухмыльнулся.

— Гениально!

— Еще бы, вдохновение! На одном дыхании сочинил.

Надежда Павловна корешком книги легонько хлопнула Тихонова по затылку, не переставая читать. Он медленно, стараясь не шуметь, выдернул листок со стихом из тетради, сложил его несколько раз и надписал: «Кате Гришиной». Потом протянул Денисову влево, жестами прося передать, хотя адресат сидел справа. Так он надеялся запутать следы.

Как только записка ушла, Тихонов откинулся на стуле и с нарочитым вниманием стал слушать учителя. Теперь в поле его зрения была Гришина. Он ждал ее реакции, поэтому был готов терпеть

даже брызги в лицо. «Понравится или нет?» — думал он. Если нет, то очень обидно, поэт он блестящий. А если понравится, то зачем же он не подписался? Вдруг она подумает, что это написал другой, и отдаст ему свое сердце? «Черт, вот так всегда, — расстроился он, — сначала думай, а потом делай! Надо было подписаться».

Никакой реакции со стороны Гришиной не последовало. Он даже не заметил, дошла до нее записка или нет.

Когда прогремел звонок, Надежда Павловна с огорчением остановилась на полуслове, понимая, что продолжать чтение после звонка бессмысленно.

Светочка Ступакова, отличница и красавица, подбежала к ней:

— Спасибо, Надежда Павловна, это было так прекрасно! Да ведь, ребята?

— Угу, ниче, норм! — раздалось в классе.

— Спасибо, мои милые! — улыбнулась Надежда Павловна.

Денисов с Тихоновым вышли в коридор, закидывая рюкзаки на плечи.

— Стойте! — Это была Катя Гришина.

Глаза у нее блестели, лицо непривычно порозовело.

— Кто это написал? — спросила она, показывая листочек со стихотворением. — Ты, Тихонов?

И тут Тихонов, вместо того чтобы признаться и получить вознаграждение, вдруг заробел и неуверенно посмотрел на Денисова, как бы ища поддержки. Гришина восприняла это как указание и перевала свой взгляд на того.

— Значит, Денисов, ты?

Денисов напрягся и промолчал. Тихонов понял, что нужно срочно признаваться, иначе лавры незаслуженно достанутся другому. Но не успел.

— Как тебе не стыдно, такая гадость! — воскликнула Гришина и с размаху влепила Денисову пощечину. Потом резко развернулась, так что юбка взлетела, и пошла прочь.

— Блин, — Денисов прикрыл лицо руками. — Мощно.

Щека у него покрылась красными пятнами и как-то странно вздулась.

— А еще говорят, что ты не романтик...

ПОДАВЛЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Первый урок — это кара небесная. Особенно зимой, когда рассвет еще не тронул город и все утопает в лиловой тьме. Приходишь в класс в полусне, а там в окна льется фиолетовый сумрак, свет выключен и только настольная лам-

па на столе учителя горит маяком, разгоняя темные силы. А за ней сидит Ирина Александровна и что-то строчит в журнале. Такая уютная, в очках, похожая на престарелую фею, и не скажешь ведь, что ведьма.

Эта предрассветная атмосфера очаровательна, в ней есть нечто от волшебства и сказки, но только если она не является преддверием урока. «Хотя что в нашей жизни, — подумал Тихонов, — не преддверие очередного урока?»

Сейчас была не зима, а весна, и в окна класса струился розовый свет, отражаясь от окон дома напротив. Но суть от этого не менялась — первый урок есть первый урок, что зимой, что весной. Нет ничего ненормальнее первого урока.

Сегодня Ирины Александровны не было на ее привычном месте, что странно, обычно она приходила раньше всех. Ученики же пока бесились. Особенно в этом деле отличались Тихонов, Денисов, Рыбенко и Кислов. Взяв тряпку для доски, они перебрасывались ею, играя в салки. Сухая тряпка сильно воняла и оставляла на одежде меловые следы. Ее называли «сифня», а осаленного — «сифак». Главное до начала урока не остаться сифаком, потому что если не успел в другого запустить, останешься им навсегда и будешь весь день потом слушать выкрики: «Вечный сифак!»

Вдруг из коридора ворвался ученик Батонов с воплем: «Идет!» Все кинулись на свои места. Сифня в этот момент была в руках у Тихонова, и он, прыгая через парты, с криком гнался за Кисловым. Тот с испуганным лицом убегал, иногда бросаясь на пол, иногда на четвереньках, роняя стулья и сбивая рюкзаки.

— Идиоты! — взвизгнула какая-то девочка.

Но остановиться они не могли, это был вопрос чести. Либо ты человек, либо вечный сифак. Понимая, что времени больше нет, Тихонов в отчаянном прыжке залепил тряпку в Кислова. И он бы попал, если бы тряпка не была сухой и имела лучшие аэродинамические свойства. Отклонившись в полете, сифня приземлилась на плечо Кати Гришиной.

О, как она посмотрела на него в этот момент! Ни слова не сказав, она двумя пальцами брезгливо сняла сифню с плеча и бросила на пол. В этот момент дверь отворилась, и зашла завуч, Маргарита Петровна.

Все замерли. Лицо у нее было строгое и печальное.

— Дети! Ирина Александровна сломала ногу! Урока не будет...

Что тут началось! Рюкзаки полетели вверх, многие повскакали, раздались вопли ликования.

— Ес! О да! Есть Бог на свете!

Звуч оторопела. Она прошептала: «Изверги!» и вышла, хлопнув дверью.

Только немногие не обрадовались этой новости. Так уж сложилось, что Ирину Александровну почти все считали железобетонной сукой. За ее издевки, насмешливый взгляд, двойки. Среди спокойно воспринявших новость был Арсеньев, отличник, любимец учительницы, и Тихонов. Причина, из-за которой ему было не до радости, — это косяк с Катей Гришиной.

— А Катька-то сифачка, — словно услышав его мысли, радостно завизжал Кислов.

— Заткнись, дебил, — резко сказал Тихонов и грозно посмотрел на него.

— Да ты че, Тихон... Я так...

Катя не оценила заступничества, покраснев, она вылезла из-за парты и торопливо вышла из класса.

— Как же я мог в нее попасть? — тоскливо проворчал Тихонов, собирая рюкзак.

— Думаю, это ты специально! — вдруг сказал ему Денисов. — Можно сказать, так ты выразил свое желание совершить с ней половой акт...

— Ты чего несешь?

— Ну, помнишь, нам на биологии рассказывали про психоанализ и подавленные сексуальные влечения? Вот.

ПИШИ ПРАВИЛЬНО

Бубнов и Батов, два друга, зажали в углу Степу Василькова.

— Попался, жирный! — кричали они со злорадным смехом. — Сейчас мы тебе сифню за шиворот запихаем!

На самом деле он не был жирным, скорее, полноватым. С красным лицом, растерянно улыбаясь, он сидел покорно на стуле и смотрел затравленно по сторонам, пока эти двое засовывали ему под одежду вонючую тряпку.

— Держите его! — Это подошел Рыбенко. — Есть еще одно важное дело.

Он убрал волосы со лба Василькова и аккуратно вывел маркером: «ЖЁПА».

— Свободен теперь, гуляй!

— Стойте! — возмутился Тихонов. — Да что же вы?

— А что? — удивились трое. — Он же сифак.

— Дайте сюда маркер, грамотеи! Розенталь, на вас глядя, в гробу перевернулся.

Выхватив маркер из рук Рыбенко, он зачеркнул букву «ё» и написал «о».

— Вот теперь порядок!

Васильков, почувствовав, что свободен, побежал в туалет отмывать лоб перед следующим уроком.

— Ну-ну, долго мыть будет, — ухмыльнулся Рыбенко. — Маркер-то перманентный.

В класс вошла Евдолина Парисовна, преподаватель биологии. Она была очень стара и, похоже, плохо видела и слышала. Но Тихонов ее уважал — за добрый нрав и интересные уроки. В ней сохранилось что-то старорежимное, еще из позапрошлого века. Аристократический облик, прямая осанка, сдержанный голос. С ней нельзя было не считаться, одним своим видом она внушала почтение. С учениками Евдолина Парисовна держала себя всегда ровно, никого не выделяя и никогда не переходя на личности.

Тихонов сегодня выбрал место позади Кислова. Ради этого ему пришлось сесть рядом с Рыбенко. Перед самым началом урока он высыпал полпачки канцелярских кнопок на сиденье Кислова и ждал теперь, когда тот сядет, чтобы насладиться местью за поруганную честь Гришиной.

Кислов сел как ни в чем не бывало, ничего не заметив и, похоже, ничего не почувствовав. Рыбенко, который все это видел, вытаращил глаза в изумлении.

— Одно из двух, — прошептал он, — либо Кислов Железный человек, либо у него железная жопа.

— Это одно и то же, дурак, — закатил глаза Тихонов.

— Я слышал, есть такие люди, — сказал с задней парты умный Ерощкин, — которые ничего не чувствуют. Что-то с нервной системой.

— Вы у биологички спросите, — саркастично посоветовала Наташа Громова. — Она наверняка знает!

Тут открылась дверь и зашел Васильков, держась за лоб.

— Извините, — промямлил он и прошел к своей парте.

— Сережа, что с тобой? — вежливо спросила Евдолина Парисовна. — У тебя голова болит?

— Да, немного, — ответил он, не опуская руки. — Можно я домой пойду?

Бубнов с Батовым сдавленно заржали.

— Сережа, конечно, иди! Зайти к медсестре по дороге!

— Ага, вот ей будет весело, — прошептал Рыбенко.

— Ой! — воскликнул Васильков. — Рюкзак пропал...

Тут Маша Петрова не выдержала:

— Да это все они над ним издевались! Евдолина Парисовна! Эти их рук дело! — И она указала на

парту Рыбенко и Тихонова. — Они у него на лбу знают какое слово написали?

— Да-да, скажи! — заржали Бубнов и Батонов.

Евдолина Парисовна не совсем поняла, в чем суть, но догадалась, что произошло какое-то хулиганство. Она строго посмотрела на предполагаемых виновных и произнесла холодно:

— Молодые люди, выйдите вон! Директор обо всем узнает.

Тихонов и Рыбенко встали, молча собрали рюкзаки и покинули класс. По поводу директора, конечно, можно было не волноваться, такое невозможно, чтобы Евдолина Парисовна стала докладывать про этот случай. Но настроение испортилось. Стыдно было упасть в ее глазах. «Что она теперь будет обо мне думать?» — расстроился Тихонов.

Он вышел из школы и сразу увидел рюкзак Василькова. Тот свисал на шнуре от гардины, выпущенном из кабинета биологии на третьем этаже, и болтался теперь почти на уровне земли. Прохожие с удивлением смотрели на него и шли дальше.

— Васильков! Василько-о-ов! — заорал Тихонов, подняв голову. — Тут твой рюкзак!

Спустя минуту открылось окно, выглянул красивый Васильков и втянул шнур с рюкзаком обратно.

БУДЬ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ

Алевтина Гекторовна, учительница английского, только недавно приехала из США. Там она прошла длительную стажировку и теперь считала себя настоящей американкой. С собой она привезла особый критерий оценки школьников, которому надо было соответствовать, чтобы нравиться ей. Больше всего ему соответствовал Костя Титяев.

— О, Костя, он такой классный, непосредственный, настоящий американский мальчик! — говорила она, улыбаясь, закатывала большие глаза и хватала себя за груди.

Титяев и в самом деле был очень простым и легким в общении. Ничего он не стеснялся, никогда не робел и со всеми был дружелюбен. Кстати, его мама тоже преподавала английский в этой же школе, но у других классов.

А вот Тихонова и Денисова Алевтина Гекторовна не любила. Еще бы, они совсем не походили на отвязных американских мальчиков. Тихонов вообще чуть что краснел и прятал глаза.

— Ну, Тихонов, — насмешливо могла она заметить при всех, — что потупился, как девушка?

От этого он совсем терялся, нервно ерошил волосы и морщил лоб. Все, конечно, смея-

лись. Самое обидное, что после таких тупых замечаний кто-нибудь обязательно начинал его дразнить:

— Эй, девушка! Можно с вами познакомиться?

В общем, довольно быстро он ее возненавидел и на английский совершенно забил. На уроки он приходил с книжкой, садился в глубине и читал. Денисов дал ему фантастический роман одного болгарского писателя про приключения двух подростков, землянина и инопланетянки. Тихонов с головой ушел в это чтение, забросив даже комиксы и стихи. Так его захватила история, что он хотел быть там вместе с главными героями, а лучше на месте одного из них. Отрываясь иногда от книги и глядя в окно, поверх крыш, туда, где, казалось, начинается совсем другой мир, и дома уже не такие, и люди другие, и отношения между ними иные, он с горьким сожалением мечтал о подружке-инопланетянке. С сожалением — потому что он ясно осознавал неосуществимость мечты. В свои пятнадцать лет Тихонов уже четко понял, что интересные книжки и реальность, в которой он живет, — две совсем разные вещи.

И почему у него нет таких отношений ни с одной девочкой? Что не так он делает? Ему казалось, что он нравится Гришиной. Да и Света Ступакова иной раз давала понять, что не прочь... И Маша Петрова была с ним ласкова. Хотя Маша Петрова ласкова была со всеми.

Как-то Ступакова специально дождалась его после уроков около раздевалки. Ради него ей даже пришлось прятаться от подруг и поклонников. «Тихонов, — спросила она, — ты сейчас домой идешь?» Он, прекрасно поняв намек, сделал вид, что ничего не понял. Вместо того чтобы просто сказать: «Да! Давай я тебя провожу», он криво улыбнулся, скосился куда-то в сторону и вдруг спросил хамским, не своим, голосом: «А че ты хотела?» «Ниче», — вздохнула Ступакова так, как вздыхают, встретившись с идиотами.

Тихонов проклинал свою застенчивость и завидовал Стаханову. Потому что Стаханов, ничуть не робея, подходил к любой девочке и заводил с ней разговор так, как будто он самый прекрасный мужчина на свете и устоять перед ним невозможно. Самое удивительное, что почти никто и в самом деле не мог устоять.

«Притом что, — думал Тихонов, — он же дурак и урод!

А я? Я умница. Ну, может, не красавец, но уж точно лучше Стаханова! Хотя нет... Я трус. Я просто трус, если даже с девочкой не могу просто поговорить...»

И он с тяжким вздохом и слезами на глазах возвращался в книге, чтобы побыстрее утонуть в упоительном мире грез.

— Тихонов! — прозвучал резкий голос Алевтины Гекторовны, врезавшись бульдозером в его мечту. — Что это у тебя лицо как у монахини?

Он не сразу сообразил, в чем дело, потому что слишком был погружен в чтение. Подняв голову от книги, он увидел ироничный взгляд учительницы.

— Читаю, — сказал он дрожащим от бешенства голосом. — Не все же всякую чушь слушать.

Алевтина Гекторовна вдруг посерела, и смех в классе мгновенно стих.

— Тихонов, после уроков зайдешь к завучу. Я ее проинформирую о твоём поведении.

Читать дальше было невозможно, настроение пропало. До конца урока он томился, думая о предстоящем неприятном разговоре с завучем.

БУДЬ КАК ВСЕ

Маргарита Петровна, вечно усталая, с серым лицом и черными-пречерными глазами, как будто в них затаилось неизбывное горе, сидела напротив Тихонова и вела допрос. Голос у нее был вялый и беспристрастный, поэтому казалось, что ей совсем неинтересно обсуждать его проступки. «Инквизитор из нее бы, конечно, не вышел, — думал Тихонов, — в этом деле нужен огонь веры и страсть, а у Маргариты Петровны такое лицо, как будто не только веру, но и последнюю надежду она давно потеряла. Но в СС ей бы место нашлось. Эти глаза, два провала, два бездонных колодца, в которых клубится мрак, на кого угодно наведут ужас». И тут его осенила идея — нарисовать комикс ужасов, где завуч будет главным антагонистом. Успех в школе обеспечен! Его так вдохновила эта мысль, что он невольно улыбнулся.

— Тихонов, я не вижу повода для смеха, — сказала Маргарита Петровна. — Ты хамишь учителям, а теперь еще и мне!

— Но, Маргарита Петровна, учителя сами...

— Замолчи! — вдруг повысила она голос. — Как тебе не стыдно! Они старше тебя!

— Но разве они имеют право...

— Имеют! — отрезала она. — Они всю жизнь работали! На благо!..

И помолчав, добавила:

— Тихонов, ну что ты не можешь быть, как все? Ты это, как это называется... Белая ворона, вот. Какой-то ты ненормальный... Ты в зеркало когда последний раз смотрелся?

От завуча он вышел с таким чувством, как будто на него насрал слон. Самое неприятное, что в этих ее словах была доля правды, и это его кололо сильнее всего. Он остановился у большого зеркала на четвертом этаже — от пола до потолка. Да, вид ненормальный! Волосы стоят в беспорядке. Лицо бледное. Школьная форма пыльная, висит мешком. Кроссовки сбитые и грязные. Он посмотрел на свои руки. А ногти! Боже мой, а ногти! Какие уж тут девушки.

— Но самая главная беда, Тихонов, — сказал он, — у тебя тут.

И постучал себя костяшками пальцев по голове. Получилось звонко.

СЧИТАЙ ПРАВИЛЬНО

Неприятные столкновения с самим собой, какие любят устраивать детям взрослые, больно ранят. Тихонов больше не мог совладать с собой — у него начинались нервные тики. Почти год их не было, и он надеялся, что его совсем отпустило. Но нет.

Следующим уроком была физика, и на нее он пришел, уже часто моргая и жуя собственные губы. Тики победить он не мог. Это было выше его сил, и хотя он сам отлично понимал нелепость и бессмысленность своих телодвижений, не совершать их было невозможно. Точнее, он как будто бы мог их не совершать, они же получались не сами по себе, а по его воле. Но все же не мог.

К сожалению, пришлось сесть на первую парту — туда Денисов уже положил его рюкзак. Хорошо, что сегодня контрольная, это плюс — он, конечно, ее не напишет, но на него по крайней мере никто не будет обращать внимания.

Тихонов старался не смотреть по сторонам и сосредоточиться на тетради. Но не так-то просто это было сделать. Ведь нужно моргать. Четыре раза, потом шесть, потом семь и пять. Потом три, девять, шесть, семь. Два, два, три. Одиннадцать. Нижнюю губу втянуть в рот и четыре раза прижать верхней. Пять, семь, три, четыре, девять. И моргать — пять. Рот-глаза, рот-глаза, глаза-рот. Голова влево, влево.

— Тихонов, — ласково сказала Анна Александровна, проходя мимо его парты, — что ты там жуешь, как беззубый старик?

Странно, но факт: эта женщина, которую ненавидела вся школа, включая учителей, была к нему добра. Но осознание этого факта нисколько не могло помочь. Тихонов попытался улыбнуться ей в ответ, и у него получилось, хотя и довольно тоск-

ливо, но сбился ритм. Надо было срочно наладить счет движений в правильной последовательности.

Все теперь в мире, и вблизи и вдали, потеряло значение и стало призрачным, почти несуществующим для Тихонова. Цвета растеряли краски, вещи и люди больше не имели к нему отношения. Сейчас значение имел только счет и больше ничего. Он бы много чем пожертвовал, лишь бы избавиться от этой напасти, и не раз обещал Богу всякие сделки, но, видимо, вера его была недостаточна сильна. Да он и не соблюдал свои клятвы, едва тик проходил, как он сразу выбрасывал их из головы.

К концу урока глаза и губы разболелись и воспалились. Он сидел скрючившись, весь в напряжении, так что мышцы на шее стали твердыми, как железо. Семь-пять-четыре-девять-три-девятинадцать. Губы-глаза, глаза-глаза, глаза-губы-глаза, губы-губы. Голова влево, влево. Очень сложная система, все должно чередоваться в определенном порядке, подчиняясь какому-то закону, которого Тихонов не знал. Ясно было только, что закон этот нарушать нельзя.

ПРАВИЛА ПУНКТУАЦИИ

Леха, какой-то ты синий. Болел? — спросил Денисов.

— Ну а что меня неделю целую в школе не было, как ты думаешь?

— Ясно. То-то ты на ходячего мертвеца похож. Видел сериал?

— Блин, Денисов, отстань.

Тихонову совсем не хотелось быть похожим на ходячего мертвеца. Сегодня математика, он будет сидеть рядом с Гришиной, и ему надо выглядеть великолепно и уверенно. Чтобы, увидев его, она поняла: он тот самый мужчина и она ужасно по нему скучала.

Пока же надо переждать урок русского, и есть время настроиться. Надежда Павловна писала что-то на доске, колыхаясь вдоль нее всем телом.

О, этот могучий, загадочный русский язык! Чья больная голова придумала твои невысказанные правила расстановки запятых, чтобы то и дело спотыкаться при письме и чтении?! Тихонову казалось, что в большинстве случаев они не нужны, они никак не влияют на смысл, разве что затуманивают его. Текст с ними — как прямая и ровная дорога в пустыне, на которой зачем-то понаделали искусственных неровностей, поставили знаки повсюду: «неровная дорога», «ограничение 20», «уступите дорогу», STOP, хотя ни населенных пунктов, ни пешеходных переходов, ни других дорог нет.

Тихонов начинал подозревать, что тот, кто затеял все это дело, страдал тяжелой болезнью, вроде его собственной. Этот человек придумывал правила для запятых, подчиняясь тому же закону, который управлял тиками. Закон жестокий и болезненный, с непонятной логикой, но он сильнее тебя.

Как-то на уроке он высказал Надежде Павловне свои соображения по этому поводу, предположив, что запятые должны быть на усмотрение писателя или поэта: как хочет, так и ставит, подчиняясь ритму и смыслу предложений, а не правилам. Реакция была совершенно неожиданной. Надежда Павловна вдруг покраснела, словно обгорела на солнце, глаза ее застыли с выражением крайнего недоумения, и приоткрылся рот. Некоторое время она молчала, видимо, переваривая его безумные слова и пытаясь понять, как он вообще мог такое ляпнуть. Тихонов забеспокоился, что серьезно провинился, вроде как осквернил могилу или съел человечины. Наконец ее застывший взор ожил, и она сказала ледяным тоном — так она разговаривала только с двоечниками и хамами:

— Алексей, ты бы еще предложил сжечь книги наших классиков, как фашист!

— Да, Алексей! — поддакнула Света Ступакова. — Как тебе не стыдно? Вы уж извините его, Надежда Павловна!

ПРИЗНАНИЕ

Сегодня на уроке русского Тихонов читал «Одиссею» Гомера. Была там строка, которая ему особенно нравилась: «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос». То есть наступило утро, заря окрасила небо и землю. И вот Гомер, всякий раз как дело заканчивалось ночью, затем обязательно сообщал: «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос», точь-в-точь одними и теми же словами. Эта фраза, как волна, вздымала и опускала, мчала вперед и откатывала назад, задавая ритм чтения и вводя в транс. Он оказывался там, на далеких, затерянных островах, на бесконечных пирах ахейцев, на их кораблях в страшную бурю, в пещере циклопа Полифема и на ложе Цирцеи. М-да, дорого бы он дал, чтоб оказаться на ложе Цирцеи или Калипсо! А лучше всем вместе, втроем. Ух... От страстного холода, пронзившего его внутренности, он зажмурился и поежился.

— Леша, — позвал его Титяев. — Леш!

— Чего? — не оборачиваясь, бросил Тихонов, с неохотой вылезая из объятий богинь.

— Можно тебя попросить стих для меня написать? От моего лица. Мне Наташа Громова нравится, хочу ей послать.

— Ладно, сейчас, — важно ответил он.

Открыл тетрадь по русскому на последней странице, взял кончик ручки в рот и задумчиво вперился вдаль — поверх доски, на которой неутомимая Надежда Павлова чертила какие-то чудные вещи. Он не любил долго мучиться над сочинением стихов и доверялся наитию, внезапному порыву и полету мысли.

— Есть! — вдруг сказал он и бросился писать.

В нашей школе триста душ,
Все хотят со мною в душ.
Только я тобой одной
Брежу темною порой.

Я улыбчив, светел, мил,
Бороду еще не брил.
Гекторовна Алевтина —
И та сохнет, как скотина.

Даже старый наш физрук
Со мной держится без рук,
И физичка так проста,
Хотя сука еще та.

Так что, Громова, давай
Мы любви устроим рай.
Пусть Стаханов отдыхает,
Я же лучше — каждый знает!

Напрасно ему шептали, шипели и кидали в него бумажки, он ничего не замечал, с головой погружившись в стихи. Сейчас для него ничего не существовало — ни учителя, ни одноклассников, ни школы, ни этого мира. Он и сам стал бестелесен и бесплотен, как дух, можно сказать, его здесь не было.

— Тихонов! Леха! Палево! Шухер! — предостерегали его отовсюду.

Но все напрасно. Надежда Павловна уже некоторое время не вела урок, а стояла со странной улыбкой над Тихоновом, глядя на его взъерошенный затылок, и молча ждала, пока он завершит. Едва он поставил точку под последней строфой, она спросила:

— Леша, ты закончил?

— Да, вроде, — растерянно ответил он, поднимая голову и медленно соображая, что к чему.

— Отлично! В таком случае, я на досуге почитаю! — И Надежда Павловна легким движением выхватила тетрадь.

Сзади раздался тихий смех Титяева. Денисов развел руками — типа, мы же тебя предупрежда-

ли! Массажин похлопал его между лопаток, как бы ободряя.

Остаток урока Тихонов провел с чувством случившейся катастрофы.

ФИЗРА

Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос. Розовое утро освежило своим дыханием бульвар, не успевший пока пропахнуть выхлопными газами. В такое утро чувствуешь, что мир вдруг родился заново и не все еще потеряно. Хочется стоять под набухающими весенними соками кронами, вбирать глубоко воздух, смотреть на синее небо и потихоньку таять в пространстве, до тех пор, пока ты не станешь достаточно легким, чтобы, как облако, улететь в синее небо.

Но даже такое прекрасное утро испорчено, если первый урок — физкультура на свежем воздухе. В этом случае оно не в радость, и все его красоты выглядят жестокой насмешкой. Так, приговоренному к смерти, которого ведут уже на эшафот, какое дело до великолепия окружающего пейзажа? Сидящему на электрическом стуле стоит ли показывать в последние минуты «Нэшэнл Джиографик»? Нет, едва ли, не до того им накануне смерти! Вот о чем размышлял Тихонов, стоя с другими на бульваре и поеживаясь от холода.

Физрук Юрий Петрович решил в связи с приходом весны устроить кросс на бульваре рядом со школой — почему-то только для мужской части класса. Видя, что парни мерзнут, стоя в спортивной форме, он резко крикнул:

— Скоро согреетесь! — и заржал.

Юрий Петрович, скала, великан, жирный и могучий! Казалось, что он затмевает собой небо, так высок и обширен он был, и тонкий скрипучий голос никак не вязался с его внешностью. Тихонов ощущал себя травинкой рядом с ним, ничтожным муравьем и старался не стоять на его дороге, чтобы не быть случайно покалеченным.

Боялся он физрука не зря. Юрий Петрович служил в Чечне и принимал участие в боевых действиях. Видимо, условия службы так повлияли на него, что он вернулся одичавшим и наполовину съехавшим. В каком-то смысле служба для него не закончилась, потому что армейский стиль жизни он старался привносить и на занятия физкультурой.

Пока Юрий Петрович матерно болтал с кем-то по мобильному, Тихонов, Денисов и Рыбенко занялись поиском длинных окурков, чтобы скоро-

тать время. Сам Денисов не хотел курить, но по-могал искать.

— О, смотри, какой годный бычок в мусорке лежит! — заметил Рыбенко.

— Да, но он весь мокрый, заплыванный.

— Ну и что! Он высохнет, если закурить!

— Вот и кури, а я нормальный поищу.

Тихонову повезло: вскоре он обнаружил у бордюра приличной длины тонкий окурок с жирными следами помады на фильтре. Приятно было осознавать, что сигарету курил не какой-то противный слюнявый мужик, а молодая красивая женщина!

— С чего ты взял, — сказал Денисов, — может, ее курил напмаженный парень.

— Вряд ли, — авторитетно заявил Тихонов, хотя и не знал, почему вряд ли.

Встав за деревом, чтобы укрыться от прохожих и ветра, он закурил. Дым обжег непривычные легкие, и он закашлялся. В тот же миг по телу разлилась приятная слабость и закружилась голова. Чтобы не упасть, он обнял ствол и прижался к нему лбом.

— Кайф, — прошептал он.

— О, смотри, я еще нашел, — закричал Денисов, поднимая над головой почти целую сигарету.

И тут словно шквал примчался, словно внезапное цунами обрушилось на берег или землетрясение перевернуло все вверх дном — Тихонов не смог сразу понять, что происходит. Огромная тень возникла перед ними, сопровождаемая ревом, и в следующее мгновение Денисов отлетел метра на три и грохнулся на газон.

— Что, совсем охренели — курить здесь? — закричал Юрий Петрович.

Да, это был он, и это он, налетев, отвесил Денисову мощнейший подзатыльник.

Денисов поднялся из грязи, держась за голову. Вид у него был испуганный.

Юрий Петрович оглядел учеников бешеным взглядом, руки у него мелко дрожали.

— Вместо десяти кругов побегите двадцать. Кто придет последним, еще пять. Ясно?

Ученики покорно закивали. Стаханов, стоя в стороне, посмеивался.

— Ну, чего встали, лохи? Бегом!

Тихонов никаким спортом всерьез никогда не занимался, поэтому не рассчитывал прийти первым. Вначале он, правда, рванул, задав бодрый ритм и другим, но метров через двести понял, что погорячился. Вскоре многие обогнали его, так что он оказался примерно посередине длинной змеи школьников, с грустным видом бегущих по весеннему бульвару. Кто в спортивной одежде, а кто даже в обычной — в тяжелой куртке, хлюпая зимними сапогами по снежной грязи. Пожалуй, нет ничего гаже вида земли в первые оттепели: тут и там в изобилии обнажается собачье дерьмо, и ты уже не идешь по улице просто, а думаешь только о том, как бы не вляпаться. И вот этот печальный пейзаж с бегущими школьниками, бульваром и дерьмом называется «Прощай, детство».

Как ни медленно бежал Тихонов, на пятом или шестом круге он обогнал Василькова уже второй раз. Тот, пыхтя, в школьной форме вместе с рюкзаком семеня по дорожке, и шерстяной шарф реял за его спиной. Казалось, что сейчас от натуги он взорвется, такой он был горячий и красный. Ясно было, кому бежать штрафные пять.

— Васильков! — крикнул ему Тихонов, пробегая мимо и чувствуя, как от того веет жаром. — Ты бы рюкзак и шарф снял, а то до финиша не дотянешь.

— Нормально! — сердито пробурчал Васильков.

Что же, его можно было понять, имелся риск не найти потом ни рюкзака, ни шарфа...

Еще через два круга Васильков уже сидел на скамейке, серый, как пепел, тяжело дыша. Около него стояли ребята из класса и Юрий Петрович. Физрук звонил в скорую и кричал в трубку. Тихонов услышал что-то про сердце. Он понял, что кросс окончен, и пешком направился к скамейке.

— Васильков, ты как?

Тот молча смотрел в землю. Ребята вокруг тоже молчали.

— Что же ты, Васильков, твою мать! — нервничал Юрий Петрович. — Что же ты мне сразу не сказал! Теперь меня посадят, если ты сейчас концы отдашь!

— Да не мог он сказать, — ответил за него Денисов. — Если бы вы его от бега освободили, его бы совсем наши зачмырили.

Васильков оперся рукой на скамейку, но не удержался и тяжело повалился на бок.

— Э-э-э, ты это, ты чего, Васильков?! — разволновался Юрий Петрович и вдруг неожиданно

ловко подхватил его на руки. — Ты не умирай! Васильков!

С удивлением смотрели ученики на эту странную сцену: огромный Юрий Петрович прижимает к груди тоже немаленького, в общем, Василькова, как будто собрался убаюкать его или покормить грудью.

ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА

Несравненная, богоподобная, черноокая, прекраснейшая среди дев, да не увянут никогда твои ланиты! Твой взгляд, точно отравленная стрела, пронзает сердце Тихонова, и он вынужден ловить его вновь и вновь! «Пускай ты несколько плосковата и в профиль твои груди не сильно выдаются (у некоторых девочек в классе и поболее), да и попа тоже не слишком, все же ты самая обворожительная. Потому что не в грудях дело и не в попе, а в душе, а душа написана во взоре и выражении лица. Ну конечно, в пределах разумного, если совсем страшная или жирная, то тут уж никакой душой не заманишь!» — так рассуждал Тихонов, сидя за первой партой с Денисовым прямо напротив стола Юлии Федоровны.

Уроки истории проходили в другом стиле, чем все остальные. Юлия Федоровна привнесла университетский дух в занятия, с присущим ему уважением к ученикам и серьезностью. Обращалась она к ним исключительно на «вы», внимательно их слушала, отвечала на вопросы так, как будто перед ней сидели доктора наук.

Этот подход так нравился Тихонову, что на истории он не хотел ни читать, ни рисовать, ни сочинять стихи, а только слушать Юлию Федоровну, неотрывно глядя ей в глаза. Он даже пошел на невероятное — стал готовить домашнее задание. Хотя и задания были не слишком утомительные — прочитать какой-нибудь интересный текст и потом обсудить его на уроке.

И все-таки время от времени они с Денисовым начинали болтать о посторонних вещах.

— Смотри, — шептал Денисов, — она сегодня пришла в джинсах!

— Да, — отвечал Тихонов. — И на лабутенах.

— А раньше в костюме была. Мне так больше нравилось. Наверное, хочет понравиться физируку.

— Ты что?! — возмутился Тихонов. — Этому уроду? Да быть такого не может!

В глубине души он таил надежду, что она хочет понравиться ему, Тихонову.

— У вас есть возражения? — вдруг спросила их Юлия Федоровна.

Она, конечно, не слышала, о чем они говорили, но поскольку они сидели за первой партой, не заметить их переговоров было невозможно. То ли из-за мнительности, то ли из-за неопытности, а может, из-за большого уважения к интеллекту Тихонова и Денисова ей казалось, что они между собой ведут какие-то глубокие беседы об истории. И вот, боясь, что говорит глупости, а не в меру умные мальчики видят это и обсуждают, она спрашивала:

— Вы не согласны со мной?

— Нет-нет, — важно отвечал Денисов. — Все нормально.

— Так, — кивал Тихонов, — отмечаем некоторые исторические нюансы!

И она продолжала урок.

Невинная, еще неиспорченная школьным бытом! Она считала, что ученики могут между собой обсуждать предмет... Это казалось трогательным Тихонову. Как наивная лань, пришла она поиграть в лагерь охотников, не подозревая, что они из нее сварят суп. Да, Тихонов всерьез опасался, что школа сделает ее такой же, как и все здесь. Больше всего он переживал, что какой-нибудь гад вроде Рыбенко или Кислова начнут издеваться над ней во время урока. Как тогда реагировать? Что он должен делать? Немедленно ударить? Пригрозить? Но тогда все бы смеялась над ним, типа втюрился в училку... Эти тревожные раздумья вырвали у него глубокий вздох.

— Алексей, я где-то ошиблась? — спросила Юлия Федоровна.

— Нет-нет, вы все говорите абсолютно правильно.

— А то у вас такой умный вид, что я вас боюсь! — смущенно засмеявшись, сказала она.

От гордости обычно бледный Тихонов порозовел.

— Да, он у нас такой, — вставил Массажин. — Вы бы видели, как он рисует!

— И стихи пишет! — добавил Титяев.

— Покажете потом, — улыбнулась Тихонову Юлия Федоровна. — Продолжим!

Он кивал, едва держась на стуле от волнения, — чувство было такое, словно она призналась ему в любви.

Боковым зрением он заметил, что Катя Гришина в соседнем ряду закатила глаза и скривилась, высунув язык. «Бээээ», — прошептала она подруге Маше Петровой, показывая, до чего ей противна вся эта приторность, которая тут происходит между Юлией Федоровной и Тихоновым.

«Ревнует!» — с удовольствием подумал он.

Сегодня математика стояла в расписании последним уроком, и все надеялись разойтись по домам, ведь Ирина Александровна на прошлой неделе сломала ногу. Сидя на партах с неразобранными рюкзаками, они ждали звонка, чтобы убедиться в ее отсутствии и со спокойной совестью уйти. Некоторые спорили, как долго ее не будет.

— У меня прабабушка, после того как ногу сломала, вообще больше ходить не смогла, — рассказал Кислов. — Ей, правда, было под сто.

— Значит, есть надежда?! — воскликнул Рыбенко. — У нас больше не будет математики?

— Ага, щас, — возразил Титяев. — Новую училку найдут. Еще хуже!

— Да, — согласился Массажин. — Знаете, почему полиция главных мафиози предпочитает не убивать?

— Почему? — заинтересовались все.

— Свято место пусто не бывает, как говорят наркобароны. Уберешь одного, придет другой, еще хлеще. Так и с математикой.

Арсеньев, сидевший поблизости, закатил глаза и покачал головой:

— Убийственная аналогия.

В класс забежала Леночка Сафронова и зашебетала испуганно:

— Ребята, Ирина Александровна идет!

И в самом деле — в стихшем, поскольку только что прозвенел звонок на урок, коридоре раздавались мощные, равномерные удары в пол. Звук был такой, как будто к ним приближается Терминатор.

— Что это? — испуганно прошептал Васильков.

— Смерть твоя, — ответил Сергеев.

Открылась дверь, и в класс зашла Ирина Александровна, с костылем и ногой в гипсе. В остальном она выглядела как обычно, только бледнее обычного. Тихонов расстроился. Он уже предвкушал игру в банки в парке, и вот, на тебе, полноценный урок математики, как незаслуженная пощечина. Но были и такие, кто обрадовался, — девочки-отличницы вроде Ступаковой и Сафроновой.

— Здравствуйтесь, ученики! — торжественно поздоровалась Ирина Александровна.

Грузно усевшись, она прислонила костыль к своему столу и некоторое время отмечала присутствующих. Потом вдруг спросила:

— Тихонов, ты домашнее задание сделал?

Нет, конечно, не сделал! Зачем его было делать, если все думали, что она не придет? Что он, дурак, что ли? Правда, он и в прошлый раз его не сделал, когда еще никто не знал, что с ней при-

ключилось, но это было тогда и к сегодняшней ситуации отношения не имело.

— Да, сделал, — ответил Тихонов, прямо глядя ей в глаза.

— Тетрадь покажешь?

— Конечно, — ответил он, не двигаясь с места.

Несколько секунд, которые показались Тихонову минутами, она пристально изучала его. Он в ответ смотрел на нее, чувствуя себя так, как будто сейчас взорвется от напряжения. Да, испытание взглядом Ирины Александровны было не из легких! В нем читалась тяжесть десятилетий, потраченных на допросы мелких изворотливых лжецов.

— Начинаем новую тему, — вдруг сказала она, отвернувшись.

«Чуть инфаркт не случился», — подумал Тихонов, держась за сердце.

Гришина спросила с недоверием:

— Ты правда его сделал?!

— Да, конечно! А что? — обиделся он.

Она отвернулась, сразу забыв о нем.

О, Катенька! Твой аромат и без всяких духов самый прекрасный на свете! От тебя веет теплым молоком, летним зноем лугов, уютным, сухим до скрипа домиком под сенью старой-престарой березы. В твоих глазах глубокая манящая синева, уходящая вдаль за горизонт, туда, где река, поля и небо соединяются вместе. Ты как мечта — со всем рядом и так далеко! Только прикоснуться бы к тебе, и тогда все сразу сбудется... Хотя бы локтем к твоему локтю — как бы случайно, во время письма в тетради.

— Тихонов, не толкайся!

А вот Стаханову Громова ничего такого не говорит, хотя тот позволяет себе намного больше. А может, именно поэтому?

Лучше бы он не сидел рядом с ней, это не урок, а попытка...

Звонок в конце урока математики — это как салют, грохот барабанов и звуки фанфар. Это как возвращение с триумфом домой после долгого военного похода. Кажется, что даже висающие в рамках на стенах великие ученые всегда такие кислые, в момент звонка смотрят веселее.

— Ура! — невольно воскликнул Тихонов, вскидывая руки к небу.

В общем, ничего необычного, многие говорили «ура», услышав звонок, но никто не делал это так громко. Тихонов же закричал во весь голос, так что остальные притихли, с ожиданием глядя на Ирину Александровну. И ее реакция сразу последовала:

— Тихонов?

— Что? — ответил он испуганно.

— Ты больной?

Он склонил голову набок и потупился. Она стала молча на него смотреть. «Сейчас очень кстати будет про Ломоносова вспомнить», — подумал он. Как раз в тему. Но она сказала другое:

— После урока останешься на уборку класса. Денисов тебе поможет.

— Я-то при чем?! — возмутился Денисов.

— Но ты его друг?

Денисов растерянно посмотрел по сторонам, сомневаясь, стоит ли признаваться.

— Ну да... — уныло кивнул он.

— А за своих друзей мы должны отвечать! Поэтому что сами их выбираем, — торжественно заключила Ирина Александровна.

— Может, еще и подруга поможет? — шепнул Стаханов. — А, Гришина?

Тихонов покраснел.